

«19 ОКТЯБРЯ» (1825)

1

Посвятив перед выпуском из Лицея отдельные прощальные стихотворения четырем наиболее близким ему товарищам — Пушцину, Дельвигу, Кюхельбекеру и Горчакову, Пушкин вступал в новую жизнь, унося с собой чувство верности лицейскому братству:

...где б ни был я: в огне ли смертной битвы,
При мирных ли брегах родимого ручья,
Святому братству верен я!

(I, 263)

Особенно большую остроту приобрели эти воспоминания в одиночестве Михайловского. Посещение ссыльного поэта И. И. Пущиным 11 января 1825 г. и Дельвигом — в десятых числах апреля, а также встреча в двадцатых числах августа с Горчаковым еще более оживили память о лицейских друзьях. Именно к этому времени (январь—август 1825 г.) относится первая редакция послания «И. И. Пущину» («Мой первый друг, мой друг бесценный»), уже содержащая некоторые мотивы, развитые несколькими месяцами позднее в стихотворении «19 октября». Таковы строки, посвященные приезду Пущина:

Ты день [изгнанья], день печальный
С печальным другом разделил,

(III, 582)

и стихи об общественном характере его службы:

Ты победил предрассужденья
[И от признательных] граждан
Умел истребовать почтенья,
В глазах общественного мненья
Ты возвеличил темный сан.

(III, 583)

Упомянут здесь и Горчаков, которому в стихотворении «19 октября» посвящена отдельная строфа.

Приближалось 19 октября — день основания Царскосельского лицея. По установившейся традиции, лицеисты первого выпуска, находившиеся в Петербурге, отмечали эту дату, собираясь то у одного, то у другого из товарищей. Пушкин в Михайловском, очевидно, узнал о намерении товарищей отметить очередную лицейскую годовщину. Эти-то обстоятельства, и прежде всего недавние свидания с Пуцциным, Дельвигом и Горчаковым, способствовали возникновению замысла стихотворения «19 октября», посвященного лицейской годовщине 1825 г.

2

Время написания стихотворения определяется 10—20-ми числами октября. Размер стиха (пятистопный ямб) и строфа (аВВаСdCd), выбранные Пушкиным, как нельзя более соответствуют общей элегической настроенности стихотворения и спокойной медлительности печальных и вместе с тем светлых раздумий одинокого поэта перед пылающим камином холодным осенним вечером. Подобная строфа применена Пушкиным еще дважды: в письме к И. Е. Великопольскому 1826 г. и в стихотворении 1836 г., также посвященном лицейской годовщине: «Была пора: наш праздник молодой». И в этом есть несомненная закономерность.

Черновых рукописей стихотворения «19 октября» не сохранилось. До нас дошел только беловой его автограф (ПД, № 70) с многочисленными поправками, дающий представление лишь о последней стадии работы поэта.

Уже первая строфа автографа определяет общую, печально-светлую, отнюдь не трагическую, но скорее мажорную тональность всего стихотворения. Этому соответствует и выбранный Пушкиным эпиграф из Горация: «Nunc est bibendum» («Теперь надлежит выпить»), впоследствии им отброшенный. Отсюда и особый характер восприятия Пушкиным михайловской осени, как оно отразилось в стихотворении «19 октября»:

Роняет лес багряный свой убор.

Убор осеннего леса здесь не просто красный или желтый, он — багряный, в том восприятии этого слова, какое владело Пушкиным: багряный — цвет торжественной пурпуровой мантии, символа могущества и власти.

С первой же строфы возникают ассоциации, связанные с лицейской жизнью. Они подготавливают следующую строфу, содержание которой определялось мыслями о происходящем в столице праздновании: ¹

¹ Это празднование действительно состоялось. На нем присутствовали Корф, Дельвиг, Илличевский, Саврасов, Комовский и, возможно, Кюхельбекер. Пуццин в это время был в Москве.

Товарищи! Сегодня праздник наш.
Заветный срок! Сегодня там, далече,
На пир любви, на сладостное вече
Стеклися вы при звоне мирных чаш. —
Вы собрались, мгновенно молодея,
Усталый дух в минувшем обновить,
Поговорить на языке Лицея
И с жизнью вновь свободно пошालить.

Неудовлетворенный всей строфой в целом, Пушкин перечеркнул ее, перенеся счастливо найденные слова «На пир любви» в начало третьей,² не зачеркнутой в рукописи, но выпущенной в печати строфы:

На пир любви душой стремлюся я...
Вот вижу вас, вот милых обнимаю.
Я праздника порядок учреждаю...
Я вдохновен, о, слушайте, друзья:
Чтоб 30 мест нас ожидали снова!
Садитесь как вы садились там,
Когда места в тени святого крова
Отличие предписывало нам.

Смысл последних двух строк проявляется рассказом Пушкина о постановлении лицейской конференции в связи «с историей гогель-могеля»: «Сместить нас на последние места за столом, где мы сидели по поведению».³ По-видимому, и по успехам в классе,⁴ так как эти строки вызывают у Пушкина воспоминания о классных успехах и о Вольховском, окончившем курс первым. Упоминанием о нем и начинается третья строфа:

Спартанскою душой пленяя нас,
Воспитанный суровою Минервою,
Пускай опять В.<ольховский> сядет первый.

Элегические интонации стихов, посвященных тем, которые «не явятся меж нами», в конце уступают место радостному оживлению:

Они придут! — за праздные приборы
Усядутся; напоят свой стакан,
В нестройный хор сольются разговоры
И загремит веселый наш Пеан.

² С этого момента Пушкин начинает нумеровать строфы. В автографе их 24 и одна нумерованная, оставшаяся незаконченной, вместо 18 в первопечатной редакции и 19 в окончательном, дефинитивном тексте. В дальнейшем изложении хода работы Пушкина мы будем исходить из нумерации автографа.

³ См.: Декабрист И. И. Пущин. Записки о Пушкине и письма из Сибири. М., 1925, стр. 99.

⁴ По словам Д. Кобеко, «в марте 1813 года последовало распоряжение попечителя о распределении в классах мест так, чтобы отличившиеся занимали высшие места, а желающие оные оспаривать у них всегда бы имели на то право» (Д. Кобеко. Императорский Царскосельский лицей. Наставники и питомцы. 1811—1843. СПб., 1911, стр. 62).

Строки о Вольховском непосредственно связаны с одной из лицейских «национальных песен»:

Покровительством Минервы,
Пусть Вольховский будет первый.⁵

Пушкин в рукописи и написал даже так, как в песне: «будет первый», исправив потом «будет» на «сядет».

В строке «И загремит веселый наш Пеан» речь идет о пародирующем стиль Тредиаковского стихотворении Илличевского, которое пользовалось среди лицейстов особенной популярностью и по традиции пелось хором на лицейских годовщинах:

Лето знойно, дочь природы,
Идет к нам в страну;
Жар несносный, с бледным видом,
Следует за ним
и т. д.⁶

В 1828 г. в веденном им протоколе годовщины Пушкин записал: «... пели известный лицейский Пэан

Лето, знойна

НВ. Пушкин-француз открыл, и согласил с ним соч.<инитель> Олосенька, что должно вместо общеупотребляемого припева *лето знойно* петь, как выше означено⁷ (т. е. соотнося слово «знойна» с «дщерью природы»: «знойна дочь...»).

3

Начиная с пятой подавляющее большинство последующих строф (за исключением 13-й — о Малиновском, и 21-й — о царе) вводятся Пушкиным в первопечатный текст стихотворения.

Седьмая, восьмая и девятая строфы автографа посвящены отсутствующим товарищам. Седьмая строфа, ставшая в печатном тексте четвертой («Он не пришел, кудрявый наш певец»), говорит о Корсакове, умершем в Италии в 1820 г. Когда Пушкин писал:

... и дружеский резец
Не начертал над русской могилой
Слов несколько на языке родном, —

он еще не знал, что такая эпитафия существует. В. Гаевский, со слов Е. А. Энгельгардта, сообщил: «За час до смерти он (Корса-

⁵ К. Я. Грот. Пушкинский лицей (1811—1817). Бумаги 1-го курса. СПб., 1911, стр. 228.

⁶ Там же, стр. 192.

⁷ Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.—Л., «Academia», 1935, стр. 733—734.

ков, — *Б. Г.*) сочинил следующую надпись для своего памятника, и, когда ему сказали, что во Флоренции не сумеют вырезать русские буквы, он сам начертил ее крупными буквами и велел скопировать ее на камень:

Прохожий, поспеши к стране родной своей!
Ах, грустно умирать далеко от друзей!⁸

Следующие две строфы — восьмая («Сидишь ли ты в кругу своих друзей») и девятая («Ты сохранил в блуждающей судьбе») — посвящены моряку Матюшкину и точно отражают факты его биографии. Таковы слова: «... с лицейского порога Ты на корабль перешагнул шутя», — выпускной акт в Лицее состоялся 9 июня 1817 г., а уже на другой день Матюшкин писал: «Капитан Головинн отправляется на фрегате „Камчатке“ кругом света, и я надеюсь, почти уверен, идти с ним». Такова и строка:

Иль снова ты проходишь тропик знойный.⁹

Матюшкин был одним из тех товарищей Пушкина по Лицею, которые навсегда сохранили «прекрасных лет первоначальны нравы»:

Ты простирал из-за моря нам руку,
Ты нас одних в молодой душе носил
И повторял: «На долгую разлуку
Нас тайный рок, быть может, осудил!».

В последних строках Пушкин перефразирует слова прощального лицейского гимна, написанного Дельвигом для выпускного акта:

Судьба на вечную разлуку,
Быть может, съединила нас!

Тема «святого братства» с особой силой развивается в десятой строфе автографа («Друзья мои, прекрасен наш союз»). Как и в послании Пушкина «Кюхельбекеру» (1817), тема эта определяет тональность всего стихотворения. Контрастные образы стихов:

Все те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село —

⁸ Современник, 1853, № 2, февраль, отдел критики, стр. 70. См. также: Н. А. Гастфрейнд. Товарищи Пушкина по имп. Царскосельскому лицее. Материалы для словаря лицейстов первого курса 1811—1817 гг., т. I. СПб., 1912, стр. 436.

⁹ Фрегат «Камчатка» вышел из Кронштадта 27 августа 1817 г. и через 58 дней, 23 октября, пересек экватор. Второе кругосветное плавание Матюшкин совершил на транспорте «Кроткий», вышедшем в путь под командой капитана Врангеля 23 августа 1825 г. и следовавшем примерно тем же маршрутом. Очень вероятно, что около времени лицейской годовщины он как раз проходил «тропик знойный».

готовят переход к одиннадцатой строфе («Из края в край последуем грозой»), ставшей в печатном тексте восьмой. Неоспорима связь этой строфы с тяжелыми переживаниями поэта последнего года южной ссылки, выраженными в стихотворениях «Демон», «Коварность» и др.

В следующей, двенадцатой по автографу, строфе («И ныне здесь, в забытой сей глуши») Пушкин говорит о Пушине, Дельвиге и Горчакове: «Троих из вас, друзей моей души, Здесь обнял я».

День 11 января 1825 г., проведенный с Пушковым, вспомнил Пушкин в двух проникновенных строках о нем:

Ты усладил изгнанья день печальный,
Ты в день его Лицея превратил.

Беседы с Пушковым о прошлой лицейской жизни и о его новой судейской деятельности определили естественный переход к следующей, отброшенной впоследствии строфе. Отнесенная первоначально целиком к Пушину, она читалась так:

Мы вспомнили, как Вакху в первый раз
Безмолвную мы жертву приносили,
Мы вспомнили, как мы впервой любили,
Наперсники, товарищи проказ —
[И все прошло, проказы, заблужденья...
Ты, освятив тобой избранный сан,
Ему в очах общественного мненья
Завоевал почтение граждан]

Строфа, видимо, трудно давалась Пушкину и не удовлетворяла его. Своими подробностями она выпадала из общего лирического строя стихотворения. Поэтому Пушкин, зачеркнув последние четыре строки, в самом конце листа приписал новое начало строфы, говорившее о Малиновском, непосредственно соотнося строки о нем со строками о Пушине в предшествовавшей строфе: «Что ж я тебя не встретил тут же с ним...».

Чтобы присоединить к этому новому началу незачеркнутые четыре строки, Пушкин в первой из них после слова «вспомнили» надписывает букву «б» («Мы вспомнили б...»), третью строку, первоначально относившуюся к одному Пушину («Мы вспомнили, как мы впервой любили»), переделывает с учетом имени Малиновского («Как мы впервой все трое полюбили») и перенумерацией строк меняет первоначальную рифмовку первых двух строк (аВВа) на соответствующую последним четырем строкам (ВаВа) общей строфической схемы всего стихотворения (аВВаСdСd). После всех этих поправок и перестановок строфа приобрела следующий вид:

Что ж я тебя не встретил тут же с ним,
Ты наш казак и пылкий и незлобный?
Зачем и ты моей сени надгробной
Не озарил присутствием своим?
Мы вспомнили б, как Вакху приносили
Безмолвную мы жертву в первый раз,
Как мы впервой все трое полюбили,
Наперсники, [товарищи] проказ — —

Но и в такой редакции строфа не удовлетворила Пушкина, как можно думать, своими подробностями, мало понятными для большинства читателей, и он принимает решение совсем растаться с ней.

Следующая строфа, четырнадцатая по нумерации автографа, ставшая в печатном тексте десятой, строфа о Горчакове, записана в рукописи почти в окончательном виде.

Мотив расхождения жизненных путей Пушкина и Горчакова присутствует почти во всех обращенных к нему стихотворениях поэта. В послании «Князю А. М. Горчакову» (1817) прямо говорится:

Мой милый друг, мы входим в новый свет;
Но там удел назначен нам не равный,
И розно наш оставим в жизни след.
Тебе рукой Фортуны своею равной
Указан путь и счастливый, и славный —
Моя стезя печальна и темна.

(I, 254)

Как правило, на Горчакова-лицеиста и даже Горчакова додекабристской поры переносятся черты позднейшего Горчакова — светлейшего князя и канцлера, по своему положению бесконечно далекого от передовых устремлений общественной жизни. П. Е. Щеголев, например, пишет о нем: «Мы не причислим его к кругу друзей поэта <...> Горчаков был одним из таких друзей, совершенно не оценивших поэта». ¹⁰ Едва ли следует говорить так категорично.

С именем Горчакова связаны три законченных послания Пушкина (1814, 1817 и 1819 гг.) и обращенные к нему строфы стихотворений «Пирующие студенты» (1814) и «19 октября» (1825). Горчаков с самых первых лет лицейской жизни несомненно привлекал Пушкина своей незаурядной личностью. Именно с ним связан самый ранний из дошедших до нас лицейских автографов Пушкина — запись в альбоме Горчакова, относящаяся к 1811 г. ¹¹ В 1814 г. Пушкин дарит Горчакову рукопись стихотворения «К Батюшкову» с надписью: «Послание к Батюшкову. К князю Александру Горчакову. От автора». В том же году Пушкин при-

¹⁰ П. Е. Щеголев. Из жизни и творчества Пушкина. М.—Л., Гослитиздат, 1931, стр. 9—17.

¹¹ Рукою Пушкина, стр. 627—628.

ветствует Горчакова в день его рождения стихотворением «Князю А. М. Горчакову» и переписывает для него же «Триолет. Князю Горчакову» Дельвига.¹²

С своей стороны Горчаков уделяет Пушкину также много внимания, что видно из его писем к дяде и тетке — А. Н. и Е. Н. Пещуровым.¹³ О его интересе к поэзии Пушкина говорит тот факт, что, отбрав у него рукопись незаконченной лицейской поэмы «Монах», якобы для сожжения, Горчаков все же сохранил ее в своем архиве.¹⁴

В августе 1825 г. Горчаков, занимавший к тому времени пост первого секретаря русского посольства в Лондоне, возвращался в Россию и заехал к своему дяде, опочечкому предводителю дворянства А. Н. Пещурову, в его имение Лямоново, неподалеку от Михайловского. Пушкин, узнав об этом, тотчас же приехал к нему. Под впечатлением встречи Пушкин писал Вяземскому: «Горч.<аков> мне живо напомнил Лицей, кажется он не переменялся во многом — хоть и созрел и следств.<енно> подсох» (XIII, 227). И несколькими днями позднее в другом письме к нему же: «Горчаков доставит тебе мое письмо. Мы встретились и расстались довольно холодно — по крайней мере с моей стороны» (XIII, 230). Все это — и признание разности жизненных путей («Ступая в жизнь, мы быстро разошлись»), и первое впечатление от бывшего друга («Все тот же ты для чести и друзей»), и наконец радость встречи, напомнившей годы товарищеской близости в Лицее («Мы встретились и братски обнялись»), — с присущей Пушкину точностью и поэтической обобщенностью нашло отражение в строфе о встрече «незначай» на проселочной дороге.

Две следующие строфы автографа — пятнадцатая и шестнадцатая — посвящены Дельвигу. Вопрос о взаимоотношениях Пушкина и Дельвига освещен в пушкиноведении достаточно полно и подробно. Здесь уместно наметить лишь основные их черты, придавшие особую проникновенность строфам о Дельвиге в «19 октября». Не переоценивая истинных размеров своего дарования, Дельвиг без малейшей тени зависти относился к своему гениальному сверстнику. Именно он, тогда еще семнадцатилетний юноша, первым из всех литераторов того времени предрек в 1815 г. в печати бессмертие своему шестнадцатилетнему другу, назвав его полным именем:

Пушкин! Он и в лесах не укроется;
Лира выдаст его громким пеннем,

¹² М. А. Цявловский. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, т. 1. М., 1954, стр. 61—62.

¹³ Там же, стр. 79, 86, 100, 103, 105, 113.

¹⁴ Кроме рукописи этой поэмы, в архиве Горчакова в 1928 г. были обнаружены семь других автографов Пушкина и ряд списков его стихотворений.

Пушкин в свою очередь высоко ценил поэтическое дарование Дельвига, особенно его опыты в антологическом роде. Именно поэтому в стихотворении «19 октября» Дельвиг назван «вещуном пермесских дев», т. е. муз — обитательниц горы Геликон, с которой течет река Пермес.

Дружеское общение с Дельвигом в письмах не прерывалось за все время пушкинского изгнания. Какой заботливостью к поэту и истинно человеческой нежностью дышат строки письма Дельвига в особенно тяжелые для Пушкина первые месяцы михайловской ссылки: «Великий Пушкин, маленькое дитя! Иди, как шел, т. е. делай, что хочешь, но не сердися на меры людей и без тебя довольно напуганных! Общее мнение для тебя существует и хорошо мстит <...> Никто из писателей русских не поворачивал так каменными сердцами нашими, как ты» (XIII, 110).

Одних этих строк достаточно, чтобы представить чувства поэта, когда через полгода Дельвиг сам приехал к нему в Михайловское:

...твой голос пробудил
Сердечный жар, так долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословил.

Пушкин и Дельвиг начали свой поэтический путь одновременно. «Я знал его в Лицее, — писал Пушкин, — был свидетелем первого, незамеченного развития его поэтической души, — и таланта, которому еще не отдали мы должной справедливости» (XIV, 148). Те же чувства и воспоминания отразились и в посвященной Дельвигу строфе «19 октября». Вторая половина строфы:

Но я любил уже рукоплесканья,
Ты, гордый, пел для муз и для души;
Свой дар, как жизнь, я тратил без вниманья,
Ты гений свой воспитывал в тиши, —

как представляется, находит некоторое соответствие с позднейшими строками Пушкина о Дельвиге: «... никто не обратил тогда внимания на ранние опресноки столь прекрасного таланта! никто не приветствовал вдохновенного юношу, между тем как стихи одного из его товарищей, стихи посредственные, заметные только по некоторой легкости и чистоте мелочной отделки, в то же время были расхвалены и прославлены как чудо!» (XI, 274). Пренебрежение собственного значения вообще было свойственно Пушкину в его отношениях с людьми, которых он высоко ценил.

¹⁵ Российский музей, 1815, ч. III, № 9, стр. 260—261.

Две следующие строфы автографа — семнадцатая и восемнадцатая, занявшие в печатном тексте соответственно тринадцатое и четырнадцатое места, посвящены Кюхельбекеру.

Строфа семнадцатая начинается в высшей степени сложными по своему смысловому наполнению строками:

Служенье муз не терпит суеты;
Прекрасное должно быть величаво.

Здесь и напоминание, почти перефразировка любимых суждений самого Кюхельбекера о приоритете высокой и величавой одической поэзии над элегическим ее направлением последнего десятилетия. Вместе с тем здесь и утверждение эстетического кодекса самого Пушкина об искусстве высокой объективности, выявляющем и отражающем не отдельные, часто несущественные и скоропреходящие стороны явления («... не терпит суеты»), но общий и глубокий его смысл, располагающий части в их отношении к целому («Прекрасное должно быть величаво»).

Проникновенное и глубоко личное продолжение этой строфы:

Но юность нам советует лукаво,
И шумные нас радуют мечты...
Опомнися — но поздно! и уныло
Глядим назад, следов не видя там.
Скажи, Вильгельм, не то ль и с нами было,
Мой брат родной по музе, по судьбам? —

определяется теми же мотивами переоценки прошлого, какие еще на юге легли в основу таких стихотворений, как «Погасло дневное светило» (1820), «Я пережил свои желанья» (1821), «Свободы сеятель пустынный» (1823). Соответственно эти строки объединяют судьбу Пушкина («И в край далекий полетел С веселым призраком свободы») с судьбой Кюхельбекера, который после парижских своих лекций о русской литературе по возвращении в Россию также принужден был выехать на Кавказ.

4

Наиболее значительную правку Пушкин произвел в шестнадцатой и семнадцатой строфах печатного текста, которые он составил из двадцатой, двадцать первой и двадцать второй строф автографа. Ввиду особой важности этих строф для всего стихотворения воспроизведем ход работы Пушкина над ними.

За строфой, завершающейся словами «И сколько чаш, подъятых к небесам!», в рукописи следовала строфа:

И первую полней, друзья, полней!
И всю до дна! — В честь нашего союза!
Благослови, ликующая Муза!
Благослови! да здравствует Лицей!

Златые дни! и зимние забавы,
И черный стол, и бунты вечеров,
И наш словарь, и плески мирной славы,
И критики Лицейских Мудрецов!

Следующая (двадцать первая по автографу) строфа в рукописи читалась так:

Полней, полней! и сердцем возгоря,
Опять до дна, до капли выпивайте!..
Но за кого ж? .. о други: угадajte..
Ура наш царь! — так выпьем за царя.
Он человек: им властвует мгновение,
Он раб Молвы, сомнений и страстей.
Простим ему [неправое] гоненье:
Он взял Париж и создал наш Лицей.

Последние четыре строки в автографе зачеркнуты рукой Яковлева. В первопечатном тексте «Северных цветов» на 1827 г. вся эта строфа по цензурным соображениям опущена. В силу тех же цензурных условий она опускалась при воспроизведении текста стихотворения и в «Стихотворениях Александра Пушкина» (ч. 2. СПб., 1829), и в посмертном издании «Сочинений Александра Пушкина» (т. III. СПб., 1838), и в целом ряде последующих изданий.

Вслед за строфой о царе в автографе следовала великолепная строфа о Куницыне, не зачеркнутая поэтом, но по тем же причинам, что и предшествовавшая, опущенная в печатном тексте:

Куницыну дань сердца и вина!
Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Поставлен им краугольный камень,
Им чистая лампада возжена...
Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честию — и мертвым и живым,
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим.

По поводу последней строки («Не помня зла, за благо воздадим») можно высказать предположение, что в ней Пушкин имел в виду свои отношения с Е. А. Энгельгардтом.

Учитывая цензурную невозможность появления в печати первых четырех строк строфы о Куницыне, Пушкин присоединил вторую ее половину («Наставникам, хранившим юность нашу») к первой половине двадцатой строфы о Лицее («И первую полней, друзья, полней!»), отбросив последние четыре строки (о черном столе и бунте вечеров),отяжелявшие ее излишними подробностями. Так возникла строфа, ставшая в печатном тексте шестнадцатой, строфа настолько совершенная, что не возникает и малейшего сожаления об отброшенных (хотя и не зачеркнутых), исключительно важных во всех отношениях, строках о Куницыне.

Последние две строфы (двадцать третья и двадцать четвертая по нумерации рукописи), ставшие в первопечатном тексте соответственно семнадцатой и восемнадцатой, записаны в автографе в окончательном своем виде.

Последним лицеистом пушкинского выпуска оказался князь А. М. Горчаков. Я. К. Грот, заставший его еще в живых и общавшийся с ним, с горечью пишет: «Не оправдал кн. Горчаков и ожидание Пушкина от последнего лицеиста 1-го курса...

Он вспомнит нас и дни соединений,
Закрыв глаза дрожащею рукой...

К сожалению, эта картина осталась несбывшеюся мечтой поэта».¹⁶

5

Восстановив и рассмотрев историю создания стихотворения, обратимся к первопечатному тексту его. Только в сличении последнего с рукописью начинаешь вполне понимать причину удивительной цельности окончательной редакции, подчинения всех ее частей единому целому.

После великолепной картины осенней природы, столь соответствующей осенним настроениям ссыльного и одинокого поэта, уже пережившего начальную тяжесть первых месяцев своего нового изгнания, закономерно следуют воспоминания о далеких товарищах его юности. Отброшенные четыре строфы первоначального текста отяжеляли стихотворение подробностями, дорогими и милыми поэту, но мало понятными читателю, не осведомленному о всех деталях лицейской жизни. Зато как закономерен и логичен стал переход от последних строк первой строфы к началу второй:

Печален я: со мною друга нет,
С кем долгую записи бы я разлуку.

Сжатые в одну следующую строфу, думы поэта о происходящем в эти дни лицейском празднике, на котором он не присутствует, влекут мысли об отсутствующих на нем товарищах — о Корсакове, «чей глас умолк на братской перекличке», и о Матюшкине, который находился в далеких морях. Известная друзьям верность Матюшкина лицейским традициям в соединении с возникшей в этой связи реминисценцией из прощальной лицейской песни Дельвига определяют переход к следующей строфе о самом Лицее и о «святом братстве» лицеистов. После противопоставления новых, обретенных в изгнании, неверных друзей неизменной верности лицейской дружбе поэт обращается к тем

¹⁶ Я. Грот. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. СПб., 1887, стр. 16.

из друзей по Лицею, которые посетили его «в забытой сей глуши», — к Пушкину, Горчакову и Дельвигу. Воспоминания о последнем, разделившем с Пушкиным первые его шаги в поэзии, приводят к воспоминаниям и о другом лицейском поэте — Кюхельбекере, который хотя и не посетил Пушкина, но перенес, как и он, тяжесть изгнания («Мой брат родной по музе, по судьбам»). Строфы о лицейских товарищах приводят к мыслям и о лицейских наставниках, и (в опущенной в первопечатном тексте строфе) об основателе Лицея — царе. Все стихотворение завершается строками о последнем из лицейстов, которому доведется под старость провести торжественный день Лицея одному. Эта счастливо найденная концовка возвращает читателя к началу стихотворения («Я пью один...») и создает впечатление цельности и завершенности произведения в целом.

6

Через год после его создания Пушкин послал стихотворение Дельвигу для «Северных цветов». В январе 1827 г. последний писал поэту: «За 19-е октября благодарю тебя с лицейскими скотами братцами вместе» (XIII, 318). В числе других стихотворений Пушкина, предназначавшихся для альманаха, Дельвиг препроводил его А. Х. Бенкендорфу. В цензурной рукописи собственные имена лицейских товарищей были обозначены заглавными буквами. В марте того же года Бенкендорф писал Пушкину: «Произведения сии, из коих одно даже одобрено уже цензурою, не заключают в себе ничего противного цензурным правилам. Позвольте мне одно только примечание: Заглавные буквы друзей в пиесе 19-е октября не могут ли подать повод к неблагоприятным для вас собственно заключениям? — это предоставляю вашему рассуждению» (XIII, 323). В ответном письме к нему Пушкин писал: «Чувствительно благодарю Вас за доброжелательное замечание, касательно пиесы: 19 октября. Непременно напишу б. <арону> Дельвигу, чтоб заглавные буквы имен и вообще все, что может подать повод к невыгодным для меня заключениям и толкованиям, было им исключено» (XIII, 326).

Стихотворение впервые было опубликовано в альманахе «Северные цветы» на 1827 г. К заглавию в сноске было сделано примечание, не принадлежавшее Пушкину: «19 октября 1811 года было открытие Императорского Царскосельского Лицея». Вторично стихотворение без изменений в тексте появилось в «Стихотворениях Александра Пушкина» 1829 г. В обеих публикациях отсутствует строфа о царе. Кроме того, по рекомендации Бенкендорфа заглавные буквы фамилий Пушкина, Горчакова и Дельвига и имя Кюхельбекера заменены звездочками. В дальнейшем в том же виде стихотворение перепечатывалось в посмертном издании «Сочинений Александра Пушкина», в «Сочинениях Пушкина» под редакцией П. В. Анненкова и в ряде последующих изданий.

Публикация отдельных мест автографа, не вошедших в печатный текст стихотворения, была начата П. В. Анненковым в дополнительном томе его издания сочинений Пушкина (1857). В том же году Я. К. Грот в виде транскрипции способом двойного печатания воспроизвел беловой автограф стихотворения.¹⁷

Исключавшиеся во всех предшествовавших публикациях «красильные» строки о царе:

Он человек! им властвует мгновенье,
Он раб молвы, сомнений и страстей,
Но, так и быть, простим ему гоненье...

были опубликованы П. Ефремовым в статье «Поправки и дополнения к некоторым стихотворениям Пушкина» в 1861 г.¹⁸

Помимо цензурных условий, в отношении не зачеркнутой самим Пушкиным строфы о царе (последние четыре строки ее в беловом автографе перечеркнуты рукой Яковлева), в значительной мере утратившей свою остроту к шестидесятым годам прошлого столетия, над редакторами сочинений Пушкина тяготела традиция «последней воли» поэта, который якобы сам не ввел эту строфу в первопечатный текст. Эта традиция властно давала себя знать в отношении данной строфы вплоть до двадцатых годов нынешнего столетия. Лишь в 1925 г. в статье И. Виноградова «Автографы Пушкина в Тверском музее»¹⁹ появилось описание двух частей издания «Стихотворений Александра Пушкина» 1829 г. с собственноручной дарственной надписью Пушкина: «Катерине Николаевне Ушаковой от А. П. 21 сентября 1829. Москва». Во второй части этого издания в тексте стихотворения «19 октября» после строки «Не помня зла, за благо воздадим» Пушкин поставил знак вставки — крестик, а после окончания текста стихотворения, повторив тот же знак, приписал всю строфу о царе в окончательной редакции:

Полней, полней! и сердцем возгоря,
Опять до дна, до капли вышивайте!
Но за кого? о други, угадайте...
Ура, наш царь! так выьем за царя.
Он человек! им властвует мгновенье.
Он раб молвы, сомнений и страстей;
Простим ему неправоe гоненье:
Он взял Париж, он основал Лицей.

Так была документально точно установлена действительно «последняя воля» поэта, неоспоримо свидетельствующая о необходимости включения данной строфы в текст стихотворения.

¹⁷ Известия имп. Академии наук по Отделению русского языка и словесности, т. VI, СПб., 1857, стлб. 329—336.

¹⁸ Библиографические записки, 1861, № 19, стлб. 588.

¹⁹ Материалы Общества изучения Тверского края, вып. 3, 1925, апрель, стр. 17—21. См. также: Н. Н. Фатов. Дефинитивный текст стихотворения «19 октября» (1825). — В кн.: Пушкин. Сборник второй. Ред. Н. К. Пиксанова. М.—Л., Госиздат, 1930, стр. 159—187.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

**СТИХОТВОРЕНИЯ
ПУШКИНА
1820-1830-х
ГОДОВ**

**ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ
И ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ПРОБЛЕМАТИКА**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД**

1974